

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

МОСКВА

ISSN 0132-2095

№ 32 1991

Зинаида ГИППИУС

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 32

Издается с января 1925 года

Зинаида ГИППИУС

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ
1914—1918

(Петербург, 1918)

Москва. 1991

«МЫ — ДЕТИ СТРАШНЫХ ЛЕТ РОССИИ...»

До недавнего времени у нас было слишком одностороннее представление о русской литературе, выразившей свое отношение к Октябрьской революции. Мы брали у Блока в его «музыке революции» лишь одну ноту, подражая Блоку под Маяковского (которого тоже читали тенденциозно), не видели ни сложности Блока, ни эволюции от 18-го года к 21-му. Мы рисовали идиллический портрет Есенина в революции, оставляя в стороне Клюева и всю новокрестьянскую литературу, которая дала свое видение и толкование революции.

Целый ряд книг, произведений был просто изъят из обращения; эти книги были запрещены и недоступны читателю, а в редких случаях поминались или цитировались крайне предвзято, с бранными идеологическими кличками. Среди этих книг и произведений, которые сегодня возвращаются читателю и углубляют наше представление о русской литературе эпохи Октябрьской революции, о самой революции, — такие значительные явления, как «Несвоевременные мысли» Горького, «Окаянные дни» Бунина, «Последние стихи» Гиппиус, стихи и поэмы Волошина. Нам еще предстоит осознать свидетельство и дальновидение этой литературы.

Имя Зинаиды Николаевны Гиппиус (1869—1945) биографически и духовно соединено с именем ее мужа Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865—1941). В литературно-общественной, религиозно-философской, художественной жизни России на рубеже веков и в начале нынешнего столетия, в движении русского символизма, в культуре русского зарубежья — на протяжении нескольких десятилетий — разгорается интенсивная и многообразная творческая деятельность этих широко образованных, остро мыслящих, подвижнически неутомимых писателей-протоверидов.

Будучи в области социально-политической беспартийными литераторами либерально-демократической и христианской ориентации, Мережковский и Гиппиус не принимали революционаристской, как мы бы сказали, тоталитаристской установки на насильственную кровавую диктатуру. Такая позиция сложилась у них очень рано, и рано поняли они, что именно это страшное будущее реально угрожает России.

Поразительно, что в октябре 1905 года, задумываясь в политические планы социал-демократов (точнее, большевиков), Гиппиус подытоживает: «Главное — я реально представляю грядущее насильническое (сами говорят) правительство и народный террор и кровь. И то, что это — в плане! Для их истины — такой путь! Это дел а т ь, т а к дел а т ь — мы не можем физически. Ни шагу на э т о не могу».

И если Февральскую революцию 1917 года Мережковский и Гиппиус встретили с искренней радостью, то революцию Октябрьскую, как и последующие события, включая разгон Учредительного собрания, Брестский мир и красный террор, они без колебаний отвергли. Так с декабря 1919 года начинается для них жизнь в изгнании, в эмиграции, которую они понимали как миссию «свидетельствовать о правде, кричать о ней».

«Последние стихи» Гиппиус — одно из таких первых свидетельств, но созданное, произнесенное еще на Родине, в России, израненной четырехлетней войной, разрухой, революцией. В этом смысле «Последние стихи» — книга, которая не могла не возникнуть, хотя и рождена чрезвычайными потрясениями.

«Последние стихи» дают особую возможность услышать индивидуальный голос Зинаиды Гиппиус, голос поэта, отличный даже в стихотворной симфонии «серебряного века», «голос из хора», выделяющийся сочетанием четкости и лиризма. Голос хрупкий, но твердый, как будто бы несильный, но бесстрашный, словно птица, грудью встречающая опасность. И оттого впечатляющий слиянием беззащитности, «слабости» с мужеством: мужеством открытости. Голос, напряженный, обостренный драматизмом, величием и ужасом момента. «Всеми гневаами звенящих строк» звучат «Последние стихи» — словно именно последние, в последний миг произнесенные.

«Все слова — как ненависти жала, Все слова — как колющая сталь» — сказал Блок о «Последних стихах», вызвавших у него неожиданный жест: «Ядом напоенного кинжала Лезвие целую, глядя в даль...»

«Последние стихи» — это еще и нежность, и жалость, и надежда, и протест против войны и насилия, — книга, созданная роковым временем (1913, август 1914 — апрель 1918). Песнь горестной любви к России...

Бессмысленно ставить сегодня выбор, сделанный Гиппиус, выше того выбора, который сделали Блок или Ахматова. Или наоборот... У каждого из них была своя миссия, своя судьба; каждый из них принял свой крест. И каждый из них оставил свой завет, свой урок.

«На дне преисподней» — так называл Волошин стихи, посвященные «Памяти А. Блока и Н. Гумилева».

«Народ, безумствуя, убил свою свободу...» — увидела Гиппиус.

Блок в 1918 году видел впереди «исполинский очерк новых стран», режущее, «как заря над черными скалами», «знамя — Интернационал!»

Получив от Гиппиус «Последние стихи» с надписью в стихах, Блок собирался ответить письмом, черновик которого сохранился. «Но решил — в стихах», поместил Блок. Подлинным ответом стала судьба поэта.

Голос судьбы, голос истории уже прозвучал — в стихотворении «Рожденные в года глухие...» (1914), вошедшем в цикл «Родина» и не случайно посвященном З. Н. Гиппиус: «Мы — дети страшных лет России...»

Ст. ЛЕСНЕВСКИЙ

НЕПРЕДВИДЕННОЕ

1913 г.

По Слову Извечно-Сущего
Бессменен поток времен.
Чую лишь ветер грядущего,
Нового мига звон.

С паденьем идет, с победою?
Оливу несет, иль меч?
Лица его я не ведаю,
Знаю лишь ветер встреч.

Летят не здешними птицами
В кольцо бытия, вперед,
Миги с закрытыми лицами...
Как удержу их лет?

И в тесности, в перекрестности,—
Хочу, не хочу ли я—
Черную топь неизвестности
Режет моя ладя.

ТИШЕ

«...Славны будут великие дела...»

Сологуб

Поэты, не пишите слишком рано,
Победа еще в руке Господней.
Сегодня еще дымятся раны,
Никакие слова ненужны сегодня.

В часы неоправданного страдания
И нерешенной битвы
Нужно целомудрие молчания
И, может быть, тихие молитвы.

Август 14.

АДОНАИ

Твои народы вопиют: доколь?
Твои народы с севера и юга.
Иль ты еще не утолен? Позволь
Сынам земли не убивать друг друга!

Не ты ль разбил скрижальные слова,
Готовя землю для иного сева?
И вот опять, опять ты — Иегова,
Кровавый Бог отмщения и гнева!

Ты разлил дым и пламя по морям,
Водою алою одел ты сушу.
Ты губишь плоть... Но, Боже, матерям —
Твое оружие проходит душу!

Ужели не довольно было Той,
Что под крестом тогда стояла, рано?
Нет, не для нас, но для Нее, Одной.
Железо вынь из материнской раны!

О, прикоснись к дымнобагровой мгле
Не древнею грозою, — а Любовью.
Отец, Отец! Склонись к Твоей земле:
Она пропитана Сыновней кровью.

14.

ОТДЫХ

Слова — как пена,
Невозвратимы и ничтожны.
Слова — измена,
Когда молитвы невозможны.

Пусть длится дленье.
Не я безмолвие нарушу.
Но исцеленье
Сойдет ли в замкнутую душу?

Я знаю, надо
Сейчас молчанью покориться.
Но в том отрада,
Что дленье не вечно длится.

14.

«ПЕТРОГРАД»

Кто посягнул на детище Петрово?
Кто совершенное деянье рук
Смел оскорбить, отняв хотя бы слово,
Смел изменить хотя б единый звук?

Не мы, не мы... Растерянная челядь,
Что, властвуя, сама боится нас!
Все мечутся, да чьи-то ризы делят,
И все дрожат за свой последний час.

Изменникам измены не позорны.
Придет отмщению своя пора...
Но стыдно тем, кто, весело-покорны,
С предателями предали Петра.

Чему бездарное в вас сердце радо?
Славянщине убогой? Иль тому,
Что к «Петрограду» рифм гулящих стадо
Крикливо льнет, как будто к своему?

Но близок день — и возгремят перуны...
На помощь, Медный Вождь, скорей, скорей!
Восстанет он, все тот же, бледный, юный,
Все тот же — в ризе девственных ночей,

Во влажном визге ветреных раздолий
И в белоперистости вешних пург,—
Создание революционной воли —
Прекрасно-страшный Петербург!

14 Дек. 14.

ВСЕ ОНА

Медный грохот, дымный порох,
Рыжелипкие струи,
Тел ползущих влажный шорох...
Где чужие? где свои?

Нет напрасных ожиданий,
Недостигнутых побед,
Но и сбывшихся мечтаний,
Одолений — тоже нет.

Все едины, все едино,
Мы ль, они ли... смерть — одна.
И работает машина,
И жует, жует война...

14.

БЕЛОЕ

Рождество, праздник детский, белый,
Когда счастливы самые несчастные...
Господи! Наша ли душа хотела,
Чтобы запылали зори красные?

Ты взыщешь, Господи, но с нас ли, с нас ли?
Звезда Вифлеемская за дымами алыми...
И мы не знаем, где Царские ясли,
Но все же идем ногами усталыми.

Мир на земле, в человеках благоволение...
Боже, прими нашу мольбу несмелую:
Дай земле Твоей умиренье,
Дай побеждающей одежду белую...

14.

МОЛОДОМУ ВЕКУ

Тринадцать лет! Мы так недавно
Его приветили, любя.
В тринадцать лет он своенравно
И дерзко показал себя.

Вновь наступает день рожденья...
Мальчишка злой! На этот раз
Ни праздника, ни поздравленья
Не требуй и не жди от нас.

И если раньше землю смели
Огнем сражений зажигать —
Тебе ли, Юному, тебе ли
Отцам и дедам подражать?

Они — не ты. Ты больше знаешь.
Тебе иное суждено.
Но в старые меха вливаешь
Ты наше новое вино!

Ты плачешь, каешься? Ну что же!
Мир говорит тебе: «я жду».
Сойди с кровавых бездорожий
Хоть на пятнадцатом году!

14.

НЕИЗВЕСТНАЯ

Ник. С-му

Что мне делать со смертью — не знаю.
А вы другие, знаете? знаете?
Только скрываете, тоже не знаете.
Я же незнания моего не скрываю.

Как ни живи — жизнь не ответит,
Разве жизнью смерть побеждается?
Сказано — смертью смерть побеждается,
Значит, на всех путях она встретит.

А я ее всякую — ненавижу.
Только свою люблю, неизвестную.
За то и люблю, что она неизвестная,
Что умру — и очей ее не увижу...

15.

ЗЕЛЕНЫЙ ЦВЕТOK

Зеленолиственному цветку привет!
Идем к Зеленому дорогой красною,
Но зелен зорь весенних тихий цвет,
И мы овеемы надеждой ясною.

Пушай он спит, закрыт — но он живет!
В Страстном томлении земля весенняя...
Восстань, земля моя! И расцветет
Зеленопламенный в день воскресения.

15.

«СВОБОДНЫЙ» СТИХ

Приманной легкостью играя,
Зовет, влечет свободный стих.
И соблазнил он, соблазняя,
Ленивых, малых и простых.

Сулит он быстрые ответы
И достиженья без борьбы.
За мной! За мной! И вот, поэты —
Стиха свободного рабы.

Они следят его извивы,
Сухую ломкость, скрип углов,
Узор пятнисто-похотливый
Икающих и пьяных слов...

Немало слов с подолом грязным
Войти боялись... А теперь
Каким ручьем однообразным
Втекают в сломанную дверь!

Втекли, вшумели и впылились...
Гогочет уличная рать.
Что ж! Вы недаром покорились:
Рабы не смеют выбирать.

Без утра пробил час вечерний,
И гаснет серая заря...
Вы отданы на посмех черни
Коварной волею царя!

.

А мне — лукавый стих угоден.
Мы с ним веселые друзья.
Живи, свободный! Ты свободен —
Пока на то изволю я.

Пока хочу — играй, свивайся
Среди ухабов и низин.
Звени, тянись и спотыкайся,
Но помни: я твой властелин.

И чуть запросит сердце тайны,
Напевных рифм и строгих слов —
Ты в хор вольешься неслучайный
Созвучно-длинных, стройных строф.

Многоголосы, тугозвонны,
Они полетны и чисты —
Как храма белого колонны,
Как неба снежного цветы.

15.

НЕ О ТОМ

(Отвечавшим)

Два ответа: лиловый и зеленый,
Два ответа, и они одинаковы;
Быть может, и разны у нас знамена,
Быть может — своя дорога у всякого,
И мы, страдая, идем, идем...
Верю... Но стих-то мой не о том.

Стих мой — о воле и о власти.
Разве о боли? Разве о счастье?
И кем измерено, и чем поверено
Страдание каждого на его пути?
Но каждому из нас сокровище вверено,
И велено вверенное — донести.

Зачем же «бездомно скучая» ищем
На «мерзлом болоте» вялых вех,
Гордимся, что слабы, и наги, и нищи?
Ведь «город прекрасный» — один для всех.
И надо, — мы знаем, — навек ли, на миг ли,
Надо, чтоб города мы достигли.

Нищий придет к белым воротам
В рубище рабства, унылый, как прежде...
Что, если спросят его: кто там?
Друг, почему ты не в брачной одежде?

Мой стих не о счастье и не о боли:
Только о власти, только о воле.

15.

МОЛОДОЕ ЗНАМЯ

Развейся, развейся, летучее знамя!
По ветру вскрыли, троецветное!
Вставайте, живые, идите за нами!
Приблизилось время ответное.

Три поля на знамени нашем, три поля:
Зеленое — Белое — Алое.
Да здравствует молодость, правда и воля!
Вперед! Нас зовет Небывалое.

15.

НЕРАЗНИМЧАТО

В нашем Прежде — зыбко-дымчато,
А в Теперь — и мглы, и тьмы.

Но срослись мы неразнимчато —
Верит Бог! И верим мы.

15.

ЧЕРНЕНЬКОМУ

Н. Г.

Радостно люблю я тварное,
святой любовью, в Боге.
По любви — восходит тварное
наверх, как по светлой дороге.

Темноту, слепоту — любовью
вкруг тварного я разрушу.
Тварному дает любовь моя
бессмертную душу.

15.

СВЕТ

Стоны,
Стоны,
Истомные, бездонные,
Долгие, долгие звоны
Похоронные,
Стоны,
Стоны...

Жалобы,
Жалобы на Отца...
Жалость язвящая, жаркая,
Жажда конца,
Жалобы,
Жалобы...

Узел туже, туже,
Путь все круче, круче,
Все уже, уже, уже,
Угрюмей тучи,

Ужас душу рушит,
Узел души,
Узел туже, туже...

Господи, Господи,— нет!
Вещее сердце верит!
Боже мой, нет!
Мы под крылами Твоими.
Ужас. И стоны. И тьма... — а над ними
Твой немеркнущий Свет!

15.

О ПОЛЬШЕ

Я стал жесток, быть может...
Черта перейдена.
Что скорбь мою умножит,
Когда она — полна?

В предельности суровой
Нет «жаль» и нет «не жаль»...
И оскорбляет слово
Последнюю печаль.

О Бельгии, о Польше,
О всех, кто так скорбит,—
Не говорите больше!
Имейте этот стыд!

15.

ЕМУ

3. Р.

Радостные, белые, белые цветы...
Сердце наше, Господи, сердце знаешь Ты.

В сердце наше бедное, в сердце загляни...
Ближних наших, Господи, близких сохрани!

15.

ОН

Он принял скорбь земной дороги,
Он первый, Он один,
Склонясь, умыл усталым ноги
Слуга — и Господин.

Он с нами плакал, — Повелитель
И суши, и морей.
Он царь и брат нам, и Учитель,
И Он — еврей.

15.

ВТОРОЕ РОЖДЕСТВО

Белый праздник, — рождается предвечное Слово,
белый праздник идет, и снова —
вместо елочной, восковой свечи,
бродят белые прожекторов лучи,
мерцают сизые стальные мечи,
вместо елочной, восковой свечи.
Вместо ангельского обещанья,
пропеллера вражьего жужжания,
подземное страданье ожидания,
вместо ангельского обещанья.

Но вихрям, огню и мечу
покориться навсегда не могу,
я храню восковую свечу,
я снова ее зажгу
и буду молиться снова:
родись, предвечное Слово!
затеpli тишину земную,
обними землю родную...

15.

ТОГДА И ОПЯТЬ

Просили мы тогда, чтоб помолчали
Поэты о войне;

Чтоб пережить хоть первые печали
Могли мы в тишине.

Куда тебе! Набросились зверями:
Война! Войне! Войны!
И крик, и клич, и хлопанье дверями...
Не стало тишины.

А после, вдруг, — таков у них обычай, —
Военный жар исчез.
Изнемогли они от всяких кличей,
От собственных словес.

И, юное безвременно состарев,
Текут, бегут назад,
Чтобы запеть, в тумане прежних марев, —
На прежний лад.

15.

БЕЗ ОПРАВДАНЬЯ

М. Г-му

Нет, никогда не примирюсь.
Верны мои проклятья.
Я не прощу, я не сорвусь
В железные объятья.

Как все, пойду, умру, убью,
Как все — себя разрушу,
Но оправданием — свою
Не запятнаю душу.

В последний час, во тьме, в огне,
Пусть сердце не забудет:
Нет оправдания войне!
И никогда не будет.

И если это Божья длань —
Кровавая дорога —
Мой дух пойдет и с Ним на брань,
Восстанет и на Бога.

15.

СТРАШНОЕ

Страшно оттого, что не живется — спится...
И все двойится, все четверится.
В прошлом грехов так неистово-много,
Что и оглянуться страшно на Бога.

Да и когда замолить мне грехи мои?
Ведь я на последнем склоне круга...
А самое страшное, невыносимое,—
Это что никто не любит друг друга...

16.

СЕНТЯБРЬСКОЕ

Полотенца луннозеленые
на белом окне, на полу.
Но желта свеча намолёная
под вереском, там, в углу.

Протираю окно запотелое,
в двух светах на белом пишу...
О зеленое, желтое, белое!
Что выберу?.. Что решу?..

16.

СЕГОДНЯ НА ЗЕМЛЕ

Есть такое трудное,
Такое стыдное.
Почти невозможное —
Такое трудное:

Это — поднять ресницы
И взглянуть в лицо матери,
У которой убили сына.

Но не надо говорить об этом.

16.

НЕПОПРАВИМО

Н. Ястребову

Невозвратно. Непоправимо.
Не смоём водой. Огнем не выжжем.
Нас затоптал,— не проехал мимо!
Тяжелый всадник на коне рыжем.

В гуще вязнут его копыта,
В смертной вязи, неразделимой...
Смято, втоптанно, смешано, сбито —
Все. Навсегда. Непоправимо.

16.

«ГОВОРИ О РАДОСТНОМ»

В. Злобину

Кричу — и крик звериный...
Суди меня, Господь!
Меж зубьями машины
Моя скрежещет плоть.

Свое — стерплю в гордыне...
Но — все? Но если все?
Терпеть, что все в машине?
В зубчатом колесе?

Ноябрь 16.

НА СЕРГИЕВСКОЙ

Н. Слонимскому

Окно мое над улицей низко,
низко и открыто настежь.

Рудолипкие торцы так близко
под окном, раскрытым настежь.

На торцах — фонарные блики,
на торцах все люди, люди...
И топот, и вой, и крики,
и в метании люди, люди...

Как торец, их одежды и лица,
они, живые и мертвые, — вместе.
Это годы, это годы длится,
что живые и мертвые — вместе!

От них окна не закрою,
я сам, — живой или мертвый?
Все равно... Я с ними вою,
все равно, живой или мертвый.

Нет вины, и никто — в ответе,
нет ответа для преисподней.
Мы думали, что живем на свете...
но мы воем, воем — в преисподней.

Ноябрь 16.

ЮНЫЙ МАРТ

«Allons, enfants, de la patrie...»

Пойдем на весенние улицы,
Пойдем в золотую метель.
Там солнце со снегом целуется
И льет огнерадостный хмель.

По ветру, под белыми пчелами,
Взлетает пылающий стяг.
Цвети меж домами веселыми,
Наш гордый, наш мартовский мак!

Еще не изжито проклятие,
Позор небывалой войны.

Дерзайте! Поможет нам снять его
Свобода великой страны.

Пойдем в испытания встречные,
Пока не опущен наш меч.
Но свяжемся клятвой навечною
Весеннюю волю беречь!

8 Марта 17.

ВСЯ

Милая, верная, от века Суженая,
Чистый цветок миндаля,
Божьим дыханьем к любви разбуженная,
Радость моя,— Земля!

Рощи лимонные — и березовые,
Месяца тихий круг.
Зори Сицилии, зори розовые,—
Пенье тасжных выюг,

Даль неохватная и неистовая,
Серых болот туман —
Корсика призрачная, аметистовая,
Вечером, с берега Канн,

Ласка нежданная, утоляющая
Неутолимую боль,
Шелест, дыханье, память страдающая,
Слез непролитых соль —

Всю я тебя люблю, Единственная,
Вся ты моя, моя!
Вместе воскреснем, за гранью таинственной,
Вместе,— и ты, и я!

17.

ПОЧЕМУ

О Ирландия, океанная,
Мной невиденная страна!
Почему ее зыбь туманная
В ясность здешнего вплетена?

Я не думал о ней, не думаю,
Я не знаю ее, не знал...
Почему так режут тоску мою
Лезвия ее острых скал?

Как я помню зори надпенные?
В черной алости чаек стон?
Или памятью мира пленною
Прохожу я сквозь ткань времен?

О Ирландия неизвестная!
О Россия, моя страна!
Не единая ль мука крестная
Всей Господней земле дана?

Сент. 17.

ГИБЕЛЬ

Близки
кровавые зрачки,
дымящаяся пеной пасть...
Погибнуть? Пасть?

Что — мы?
Вот хруст костей... вот молния сознания
перед чертою тьмы...
И — перехлест страдания...

Что мы! Но — Ты?
Твой образ гибнет... Где Ты?
В сияние одетый,
бессильно смотришь с высоты?

Пускай мы тень.
Но тень от Твоего Лица!
Ты вдунул Дух — и вынул?

Но мы придем в последний день,
мы спросим в день конца, —
за что Ты нас покинул?

4 Сентября 17 г.

ТЛИ

Припав к моему изголовью,
ворчит, будто выстрелы, тишина;
запекшейся черною кровью
ночная дыра полна.

Мысли капают, капают скупом,
нет никаких людей...
Но не страшно... И только скука,
что кругом — все рыла тлей.

Тли по мартовским алым зорям
прошли в гвоздевых сапогах.
Душа на ключе, на тяжком запоре,
отврат... тошнота... но не страх.

28—29 Октября 17.
Ночью.

ВЕСЕЛЬЕ

Блевотина войны — октябрьское веселье!
От этого зловонного вина
Как было омерзительно твоё похмелье,
О бедная, о грешная страна!

Какому дьяволу, какому псу в угоду,
Каким кошмарным обуянный сном,
Народ, безумствуя, убил свою свободу,
И даже не убил — засек кнутом?

Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой,
Смеются пушки, разевая рты...
И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь!

29 Окт. 17.

ЛИПНЕТ.

«Новой Жизни» и пр.

Не спешите, подождите, соглашатели,
кровь влипчива, если застыла;
пусть сначала красная демократия
себе добудет немножко мыла...
Детская-женская — особо вьедчива,
вы потрите и под ногтями.
Соглашателям сесть опрометчиво
на Россию с пятнистыми руками.
Нету мыла — достаньте хоть месива,
чтобы каждая рука напоминала лилею...
А то смотрите: как бы не повесили
мельничного жернова вам на шею!

30 Окт. 17.

СЕЙЧАС

Как скользки улицы отвратные,
Какая стыдь!
Как в эти дни невероятные
Позорно жить!

Лежим, заплеваны и связаны
По всем углам.
Плевки матросские размазаны
У нас по лбам.

Столпы, радетели, водители
Давно в бегах.
И только вьются согласители
В своих Це-ках.

Мы стали псами подзаборными,
Не уползти!
Уж разобрал руками черными
Викжель — пути...

9 Ноября 17.

У. С.

Наших дедов мечта невозможная,
Наших героев жертва острожная,
Наша молитва устами несмелыми,
Наша надежда и воздыхание,—
 Учредительное Собрание,—
 Что мы с ним сделали...?

12 ноября 17.

14 ДЕКАБРЯ 17 ГОДА

Д. Мережковскому

Простят ли чистые герои?
Мы их завет не сберегли.
Мы потеряли все святое:
И стыд души, и честь земли.

Мы были с ними, были вместе,
Когда надвинулась гроза.
Пришла Невеста. И невесте
Солдатский штык проткнул глаза.

Мы утопили, с визгом споря,
Ее в чану Дворца, на дне,
В незабываемом позоре
И в наворованном вине.

Ночная стая свищет, рыщет,
Лед по Неве кровав и пьян...
О, петля Николая чище,
Чем пальцы серых обезьян!

Рылеев, Трубецкой, Голицын!
Вы далеко, в стране иной...
Как вспыхнули бы ваши лица
Перед оплеванной Невой!

И вот из рва, из терпкой муки,
Где по дну вьется рабий дым,
Дрожа протягиваем руки
Мы к вашим саванам святым.

К одежде смертной прикоснуться,
Уста сухие приложить,
Чтоб умереть — или проснуться,
Но так не жить! Но так не жить!

Иб.

БОЯТСЯ

Щетинятся сталью, трясясь от страха,
Залезли за пушки, примкнули штык,
Но бегают глаз под серой папашой,
Из черного рта — истошный рык...
Присел, но взгудел, отпрянул кошкой...
А любо! Густа темь на дворе!
Скользнули пальцы, ища застёжку,
По смуглым пятнам на кобуре...
Револьвер, пушка, ручная граната ль, —
Добру своему ты господин.
Иди, выходи же, заячья падаль!
Ведь я безоружен! Я один!
Да крепче винти, завинчивай гайки.
Нацелься... Жутко? Дрожит рука?
Мне пуля — на миг... А тебе нагайки,
Тебе хлысты мои — на века!

12 Января 18.

ОНА

Опять она? Бесстыдно в грязь
Колпак фригийский сбросив,
Глядит, кривляясь и смеясь,
И сразу обезносев.

Ты не узнал? Конечно — я!
Не те же ль кровь и раны?

И пулеметная струя,
И бомбы с моноплана?

Живу три года с дураком,
Целуюсь ежечасно,
А вот, надула колпаком
И этой тряпкой красной!

Пиши миры свои, — ты мой!
И чем миры похабней —
Тем крепче связь твоя со мной
И цепи неослабней.

Остра, безноса и верна —
Я знаю человека.
Ура! Да здравствует Война,
Отныне и до века!

Янг. 18.

ТАК ЕСТЬ

Если гаснет свет — я ничего не вижу.
Если человек зверь — я его ненавижу.
Если человек хуже зверя — я его убиваю.
Если кончена моя Россия — я умираю.

Февр. 18.

МОСТЫ

И. В.

Говорить не буду о смерти,
и без слов все вокруг — о смерти;
кто хочет и не хочет — верьте,
что живы мертвые.

Не от мертвых — отступаю,
так надо — я отступаю,
так надо — я мосты взрываю,
за мостами — не мертвые...

Перекрутились, дымясь, нити,
оборвались, кроваваясь, нити,
за мостами остались — взгляните!
живые — мертвее мертвых...

Февр. 18.

ИМЯ

Безумные годы совьются во прах,
Утонут в забвеньи и дыме.
И только одно сохранится в веках
Святое и гордое имя.

Твое, возлюбивший до смерти, твое,
Страданьем и честью венчаный.
Проколет, прорежет его острие
Багровые наши туманы.

От смрада клевет — не угаснет огонь,
И лавр на челе не увянет.
Георгий, Георгий! Где верный твой конь?
Георгий Святой не обманет,

Он близко! Вот хруст перепончатых крыл
И брюхо разверстое Змия...
Дрожи, чтоб Святой и тебе не отмстил
Твое блудодейство, Россия!

Апрель 18.

ДВЕРЬ

Мы, умные, — безумны,
Мы, гордые, — больны,
Растленной язвой чумной
Мы все заражены.

От боли мы безглазы,
А ненависть — как соль,
И ест, и травит язвы,
Ярит слепую боль.

О черный бич страдания!
О ненависти зверь!
Пройдем ли — Покаянья
Целительную дверь?

Замки ее суровы
И створы тяжелы...
Железные засовы,
Медяные углы...

Дай силу не покинуть,
Господь, пути Твои!
Дай силу отодвинуть
Тугие веревки!

Февр. 18.

НА ПОЛЕ ЧЕСТИ

О, сделай, Господи, скорбь нашу светлою,
Далекой гнева, боли и мести,
А слезы — тихой росой предрассветною
О нем, убиенном на поле чести.

Свеча ль истает, Тобой зажженная?
Прими земную и, как невесте,
Открой поля Твои озаренные
Душе убиенного на поле чести.

Февр. 18.

НЕТ

Она не погибнет, — знайте!
Она не погибнет, Россия.
Они всколосятся, — верьте!
Поля ее золотые.

И мы не погибнем, — верьте!
Но что нам наше спасенье:
Россия спасется, — знайте!
И близко ее воскресенье.

Февр. 18.

<Непосланное письмо к З. Н. Гиппиус>

Я отвечаю Вам в прозе, потому что хочу сказать Вам больше, чем Вы — мне; больше, чем лирическое.

Я обращаюсь к Вашей человечности, к Вашему уму, к Вашему благородству, к Вашей чуткости, потому что совсем не хочу язвить и обижать Вас, как Вы — меня; я не обращаюсь поэтому к той «мертвой невинности», которой в Вас не меньше, чем во мне.

«Роковая пустота» есть и во мне и в Вас. Это — или нечто очень большое, и — тогда нельзя этим корить друг друга; рассудим не мы; или очень малое, наше, частное, «декадентское», — тогда не стоит говорить об этом перед лицом тех событий, которые наступают.

Также только кратко хочу напомнить Вам наше личное: нас разделил не только 1917 год, но даже 1905-й, когда я еще мало видел и мало сознавал в жизни. Мы встречались лучше всего во времена самой глухой реакции, когда дремало главное и просыпалось второстепенное. Во мне не изменилось ничего (это моя трагедия, *как и Ваша*), но только рядом с второстепенным проснулось главное.

[Не знаю (или — знаю), почему оно не проснулось в Вас].

В наших отношениях всегда было замалчиванье чего-то; узел этого замалчиванья завязывался все туже, но это было естественно и трудно, как все кругом было трудно, потому что все узлы были затянуты туго — оставалось только рубить.

Великий октябрь их и разрубил. Это не значит, что жизнь не напутает сейчас же новых узлов; она их уже напутывает; только это будут уже не те узлы, а другие.

Не знаю (или — знаю), почему Вы не увидели октябрьского величия за октябрьскими гримасами, которых было *очень мало* — могло быть во много раз больше.

Неужели Вы не знаете, что «России не будет» так же, как не стало Рима — не в V веке после Рождества Христова, а в 1-й год I века? Также — не будет Англии, Германии, Франции. Что мир уже перестроился? Что «старый мир» уже расплавился?

<31 мая 1918>

3. ГИППИУС

(При получении «Последних стихов»)

Женщина, безумная горячка!
Мне понятен каждый ваш намек,
Белая весенняя горячка
Всеми гневаами звенящих строк!

Все слова — как ненависти жала,
Все слова — как колющая сталь!
Ядом напоенного кинжала
Лезвее целую, глядя в даль...

Но в дали я вижу — море, море,
Исполинский очерк новых стран,
Голос ваш не слышу в грозном хоре,
Где гудит и воев ураган!

Страшно, сладко, неизбежно, надо
Мне — бросаться в многопенный вал,
Вам — зеленоглазую наядой
Петь, плескаться у ирландских скал.

Высоко — над нами — над волнами, —
Как заря над черными скалами —
Веет знамя — Интернационал!

1—6 июня 1918

* * *

3. Н. Гиппиус

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забывать не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?

От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота — то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье,—
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят Царствие Твое!

8 сентября 1914

СОДЕРЖАНИЕ

<i>«Мы — дети страшных лет России...» Ст. Лесневский</i>	3
Непредвиденное	4
Тише	4
Адонай	5
Отдых	5
«Петроград»	6
Все она	7
Белое	7
Молодому веку	8
Неизвестная	8
Зеленый цветок	9
«Свободный» стих	9
Не о том	10
Молодое знамя	11
Неразнымчато	11
Черненькому	12
Свет	12
О Польше	13
Ему	13
Он	14
Второе Рождество	14
Тогда и опять	14
Без оправдания	15
Страшное	16
Сентябрьское	16
Сегодня на земле	16
Непоправимо	17
«Говори о радостном»	17
На Сергиевской	17
Юный март	18
Вся	19
Почему	19
Гибель	20

Тли	21
Веселье	21
Липнет.	22
Сейчас	22
У. С.	23
14 декабря 17 года	23
Боятся	24
Она	24
Так есть	25
Мосты	25
Имя	26
Дверь	26
На поле чести	27
Нет	27
<i>Александр Блок. <Непосланное письмо к З. Н. Гиппиус></i>	28
З. Гиппиус (При получении «Последних стихов»)	29
«Рожденные в года глухие...»	29

ГИППИУС Зинаида Николаевна

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ 1914—1918

Редактор-составитель С. С. Лесневский

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 22.05.91. Подписано к печати 01.07.91. Формат 70×108¹/₃₂.

Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать.

Усл. печ. л. 1,40. Усл. кр.-отг. 1,58. Уч.-изд. л. 1,32.

Тираж 89 000 экз. Зак. № 521. Цена 10 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

**В СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ВО ВТОРОМ ПОЛУГОДИИ 1991 ГОДА
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

И. КОНСТАНТИНОВСКИЙ «Тайна земли обетованной»;

А. ПЛАТОНОВ «Технический роман»;

В. КАРДИН «К вопросу о белых перчатках»;

А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ «РОССИЯ — POESIA»;

В. ТОКАРЕВА «Старая собака».